

Инна ШТЕЙН ЛЮДА

Люда уехала в семьдесят девятом. Все уезжали, и она уехала. Только стадное чувство тут ни при чем. Ей нестерпимо хотелось переменить жизнь, увидеть другое небо, другие города и самой стать другой.

Многие из тех, кто уехал, начали тосковать по городу детства и юности, лучшему в мире, да что многие — почти все. А Люда — нет. Родителей она взяла с собой, вот именно взяла, как два старых фибровых чемодана с тусклыми металлическими уголками, двенадцатилетняя дочка Аннушка — единственный ребенок — а иди же кинд, считавшая одноклассников недоумками и влюбленная в Александра Великого, была при ней — так чего же тосковать?

При отъезде возникли, правда, проблемы с мужем Витей. Вот уж кто совсем не хотел никуда уезжать. Ему и в Одессе было не плохо. Работал он главным энергетиком большого завода, и синекура эта, вызывавшая презрительную усмешку у инженеров и рабочих, вполне его устраивала. Не прочь он был и погулять, причем относился к своим многочисленным барышням настолько несерьезно, что ему и в голову не приходило скрываться у хаток и прятаться по углам. Узревши его на Дерибасовской с очередной феминной, друзья и родственники тут же об этом Люде и доносили. Так что она была в курсе.

Нежелание покинуть Одессу было у Вити настолько сильным, что притянуло к нему несчастье. При забивании одного из ящиков с предназначенными на вывоз бибихами (Боже мой, чего только люди не вывозили, включая отполированные до ослепительного блеска тяжеленные казаны! Без них, конечно, в Америке было никак. Хотя какая такая Америка? Все ехали на историческую родину) гвоздик отскочил и попал Вите прямо в глаз. В правый. Люды дома не было, она носилась по городу, решая множество накопившихся перед отъездом проблем, и Витя вызвал скорую сам. Его отвезли на Ольгиевскую, сделали срочную операцию, оказавшуюся крайне неудачной, потом еще две, по сравнению с которыми первая была чудом микрохирургического мастерства, в общем, на правый глаз Витя ослеп. Окончательно и бесповоротно.

Печальное это событие отнюдь не отменило отъезд, а всего лишь отодвинуло на полгода. И все Витины сцены у фонтана, сопли и вопли о руке судьбы оказались напрасны. Положенную бутылку шампанского на вокзале распили, бокалы разбили (пластиковых стаканчиков тогда не было и в помине), и страшно было смотреть на слезы,

катившиеся из Витинового слепого глаза. Слезные железы работают исправно и у слепых.

В Америке все изменилось с точностью до наоборот. Витя стал примерным семьянином, шагом не мог ступить без своей Людочки, впился в нее всеми четырьмя лапками. А может, и шестью. Люда освоилась мгновенно и, хотя образование у нее было среднее техническое, стала совершенно незаменимым инженером-конструктором на предприятии, выпускающем медицинское оборудование. Благодаря ей американские диабетики получили устройство, автоматически впрыскивающее инсулин куда надо и когда надо. До нас это устройство еще не дошло.

Витя, несмотря на свое высшее образование, долго не мог устроиться, но потом все наладилось: он занимается монтажом систем наблюдения, ну, чтоб няка падала в особняк не залезла, и поглядывал роскошных домов, что нам раньше и не снилось. А сейчас тоже нет никакой необходимости падать в объятия Морфея, стоит только проехать по окрестностям. Там себе и падайте на здоровье.

Люда уже несколько раз поменяла дома, она в свободное от конструирования время немножко занимается риэлторством (ну, маклер она по-нашему), так что и дом подходящий найти не проблема, и с бабками все о'кей.

В последнем доме я две недели гостила вместе с десятилетним сыном Павликом. Свидетельствую: дом большой, бассейн большой, сад не очень большой (земля в Лос-Анджелесе почти такая же дорогая, как в Совиньоне-1, 2, 3), но очень красивый. Дом убирает мексиканка, бассейн чистит пуэрториканец, за садом ухаживает негр. Пардон, ой, нет, тысячу раз пардону просим — афроамериканец.

В Америке сыночек употреблял исключительно гамбургеры с чизбургерами и стал маленьким толстым америкосом, правда, мозги остались отечественными.

— Моя внучка учится в школе для одаренных детей, — сказала мне тетя Женя, приглашенная на сборняк в честь нашего приезда, — но она не такая умная, как твой Павлик.

Сказать такое для тети Жени — это великая победа над собой.

Кроме диетических продуктов из "Макдональдса" Павлик все две недели в умопомрачительных количествах поглощал мороженое. Ничего плохого, кроме хорошего, сказать об американском мороженом не могу. Идешь по ихнему супермар-

кету, а с двух сторон холодильники стоят, а в них — мороженое, мороженое, мороженое...

Сначала Витя смотрел на Павлика тоскливым взглядом, потом жадным, потом злобытым, потом и сам стал лопать мороженое — плюнул на диету.

— Ты на Витю не обижайся, у него было тяжелое детство, — сказала мне Люда.

— У всех у нас было тяжелое детство, — огрызнулась я, выведенная из себя косяками, которые бросал на моего бесценного сыночка взрослый дядька.

Страшная штука — материнский инстинкт.

— Нет, ты не понимаешь, — покачала головой Люда. — У нас почему была фамилия Расторгуевы? Витиных родителей расстреляли, и он несколько месяцев скрывался, голодал. Его потом русская семья спасла. Вот этот голод в нем очень глубоко сидит и время от времени наружу вылезает. Он увидел, как Павлик мороженое ест, и его заводику взяла.

А фамилию Расторгуевы Люда с Витей поменяли. Точнее, сделали ей обрезание. Они теперь Расторы. Тоже красиво. Почти Асторы.

Так вот, Люда совсем, совсем, ну абсолютно не скучала по Одессе. Мне это слышать было обидно, тем более что Люда со своим полным отсутствием ностальгии была искренна, не кичилась и не огорчалась, просто лучший в мире город был ей без разницы. Ну что делать? Усе тикет, усе меняется. И Люда изменилась. Даже любовника себе завела. Только, как женщина честная, она сразу же Вите об этом сообщила, собрала шмутки-монатки и к своему халю ушла.

Мне об этом Люда рассказывала, когда мы в шезлонгах, как белые люди, у ее бассейна сидели. И как я в этот бассейн не свалилась?

— Витя каждый день мне звонил, уговаривал вернуться. А потом сказал, что повесится. Я и вернулась. Если бы он это сделал, я бы жить не смогла, совесть бы замучила. К тому же я все время вот это вспоминала.

И она плавненько так своей крепкой загорелой рукой обвела весь лично ей принадлежавший пейзаж: и дом с французскими окнами, и бассейн с джакузи, и сад с розами, беседкой и фонтаном. Толстый мраморный лев выплевывал из разинутой пасти тоненькую струйку, толстый черный пудель — еврейская собака по фамилии Пудельман — сидел у Людиных ног, и все это действительно было таким домашним, таким уютным, таким до оскомины красивым, что я, наконец, поняла, что мерзкой тетке Ностальгии здесь делать нечего.

Мы с Людой изредка общались по телефону, потом стали слать друг другу e-mail'ы, я продолжала звать ее в Одессу, но делала это только из вежливости. Знала, что не приедет.

И вдруг она приехала. Через двадцать

пять лет. Всего на три дня. Вообще-то она ехала в Париж. Без всякого дела. И совсем не срочно. Просто погулять. А потом — на Лазурный берег. Так почему бы, если ты уже в Европе, а билеты такие дорогие, и не взглянуть в Одессу?

Первую ночь Люда спала у меня. Павлик — мрачный, худой, небритый юноша, антиглобалист и антиамериканец — был выселен в родительскую комнату. Продавленный диван, впившийся в молодое тело всеми своими пружинами, стал последней каплей, окончательно убившей сына, что Америка — отстой.

Мы засиделись далеко за полночь, болтали, не переставая. Есть люди, и их совсем не много, с которыми можно говорить обо всем на свете, как бы долго вы не были в разлуке.

Я уже совсем было собралась идти спать, когда она попросила меня найти в Интернете ее старого знакомого.

— Ну, если фамилия редкая — попробую, а если Иванов — звяните.

Фамилия оказалась редкой, и я сразу же нашла и адрес, и телефон.

Что-то странное произошло с Людой, когда она взяла листик, на котором я их записала. Куда делась центровая, деловая, дважды в неделю посещающая спортзал американка, конструкторша и риэлторша, давно забывшая, как пахнет акация, когда ты целуешься с мальчиком в парке Шевченко?

Когда я шла из туалета, то услышала, как она звонит по телефону. Было три часа ночи.

В семь утра раздался звонок в дверь, муж и сын самозабвенно храпели, я пошла открывать и увидела на пороге незнакомого мужика, довольно-таки побитого молю, но с такими молодыми, сумасшедшими глазами, что мне стало... страшно? Да нет, завидно! Не надо было особого ума, чтобы догадаться, кто это.

— Можно Люду? — спросил он так, как будто от моего ответа зависела его жизнь.

Можно, очень даже можно, почему нельзя? Тем более что она уже вышла в коридор совершенно одетая, волоса по полу дорожную сумку на колесиках.

Увидела я Люду только в аэропорту. Мы поцеловались на прощание. Я отошла в сторону и, нет чтобы отвернуться, смотрела, как они стоят, обнявшись, как не могут оторваться друг от друга, как их тела в последнем судорожном усилии хотят вобрать, запомнить, сохранить каждую черточку, каждый изгиб, каждую морщинку.

Больше Люда в Одессу не приезжала. — Если бы я знала... — сказала она мне по телефону.

Если бы мы знали...

Интересно, Люда Одессу увидела? Хотя краешком глаза? Лично я сомневаюсь.

Одесса.

Александр СЕМЫКИН

Моя Одесса

К ней бы в ноги пасть, молиться,
Целовать — люблю, знай, дескать...
Кто-то жаждет за границу,
Я — тебя, моя Одесса!

Где бы черти ни носили,
Только тут смогу быть счастливым,
Ощувив тепло и силу
Мостовых твоих брусчатых.

Сердцем намертво приварен
(Не сломать, не пробуй даже)
К этим улочкам, бульварам,
Рынкам, дворикам и пляжам.

Всё здесь будто про меня и
Обо мне твои печали...
Ни на что не променяю
Вездесущих наглых чаек

И возможность ночью с пирса
Прыгнуть рыбой в гладь морскую:
"Здравствуй, Черное! Не спитесь?
Не по мне ли ты тоскуешь?"

В настроение любое
Ты мила всегда, Одесса.
Это даже не любовь, а
Часть судьбы, глоточек детства...

Ушел герой

Ушел герой... Лишь стул из гарнитура,
Ручной работы ("Мастерская Гамбса"),
О гнутых ножках лаковой фактуры,
Застыв, на Дерибасовской остался.

Ушел герой... Смахнет слезу украдкой
Бедняжка Грицацуева вслед мужу:
Красавец-бог с тигриной повадкой —
О, как он ей сейчас, поверьте, нужен!

Ушел герой... Мелькнул за поворотом
Подметкой "апельсинного" штиблета.
И шарф, концом цепляясь за ворота,
Не смог сдержать того, кто канул в Лету.

Ушел герой... Закрыв на ключ эпоху
Романтиков и искрометных шуток.
Ах, боже мой, как было бы неплохо
Вернуть его хотя бы на минуту!

Ушел герой... Безмолвно... Тихо вышел...
Унес мечту — каемочкой на блюде.
И где-то там, не в Рио, а повыше,
Нам Ильф с Петровым грустно улыбнутся...

Спящий город

Спящий город ночью сказочно волшебен —
Наклоняясь над брусчатой мостовой,
Ощущаешь, как ворчит о чем-то щебень,
Как из луж крадет луну полночный вор.

Как споят во сне усталые витрины —
Потускневшие наряды, блеклый грим,
Как являют теплый свет свой изнутри нам,
Глазки желтые сощуриив, фонари.

Не старайся рассмотреть,
а просто чувствуй
Легким пульсом синей жилочки виска,
Как подернулись фонтаны нежной грустью,
Разобрав далекий щебет ручейка.

И еще: как в танце кружатся деревья —
Под зеленый шелестящий венский вальс
Тихо топчут, якорям корней не веря,
В такт пружинящий и дышащий асфальт.

Как со стен домов струится мягкий воздух
И от крылышек пронеры-мотылька
Раздувает пыльно-каменные ноздри
Старый город — задремавший великан...

Украина, Ильичевск.

